

Когда была написана эта статья, в редакцию позвонил тот, о ком шла речь в ней:

— Я сам во всем виноват, — признал он.

Он принадлежит к типу людей, после знакомства с которыми начинаешь ломать себе голову: «Так какой же этот человек: хороший или плохой?» Все, кажется, он делает, как полагается. Работает примерно. Успевает в других делах. И все же в его поведении чувствуется какая-то фальшь, неискренность. Бывает, этот человек так и проживет всю жизнь и унесет в могилу все тайны своей души. Но случается и обратное, когда двойственность его натуры разоблачают, выводят двуличника, как говорят, на чистую воду.

В Иване Момоте всегда сомневался мастер Зубов.

— Слушай, боюсь я его, — говаривал он нач. смены Давидсону.

— Ненадежный товарищ, может нам какой-нибудь «подарочек» преподнести.

— Да вроде ничего плохого за парнем не наблюдается, — успокаивал Давидсон мастера.

Но у Зубова все равно на душе было неспокойно. Внутренне, интуитивно не верил он Ивану. Однажды его сомнения подтвердились. Заметил мастер, что Момот каждую осень берет справку для поступления в учебное заведение, но поступать никуда не поступает. Выяснил Зубов, что Иван сделал это для того, чтобы «не приставали к нему с учебкой в цехе».

«Хитер парень», — думал мастер и продолжал присматриваться к нему. Но тот больше никаких номеров не выкидывал. Единственное, чем трепил, так это своей неуравновешанностью: сегодня мог нагубить, а завтра же отказывался от своих горячих слов.

А вскоре и неуравновешенность у Ивана исчезла. Сделался, как казалось всем, прямо-таки идеальным. Стал обходительным, приятным, деловым. Даже молодежь обучать мастерству доверили ему.

И вот он подал заявление о приеме в партию. Возражающих против его кандидатуры не было.

Этот период в жизни Ивана особенно подчеркивает двойственность его натуры. Он хорошо сыграл роль порядочного человека. По крайней мере, о нем стали так думать на производстве. А за воротами цеха он жил другим мирком. Любил шумную кампанию. Безудерж-

мал он, — Иван — птица другого полета».

...Иван исправлялся. — Ну все, Михаил Иванович — теперь я студент-заочник педагогического института, — принес он как-то в цех студенческий билет и показал его Зубову.

— Вот надумал, — обрателься Момот к секретарю партбюро, — дайте-ка мне направление в вечерний университет марксизма-ленинизма. Решил серьезно заняться политическим образованием.

— А институт как же? — Везде успею.

И он действительно успевал. К тому же пошел еще на курсы рабочих

— Пстойка-ка, дружок, — Ермолаев попытался придержать за рукав Ивана, но тот резко оттолкнул своего начальника в сторону и бросился прочь. На другой день Иван невинными глазами смотрел на Ермолаева и без умолку тараторил.

— Да вы что, Владимир Николаевич... Вы просто меня с кем-то спутали... Не я это был...

— Ну, ладно, хватит отпираться, Момот, — подумай о другом. Ты ведь в газете высокие идеи отстаиваешь, так будь верен им.

Не знал Владимир Николаевич, как отстаивал Иван высокие идеи. Жур-

мысли о добродетели, а сам своими поступками сеял в жизни подлость и зло. К окружающим относился эгоистично. Если на работе этого не замечали, то в быту — соседи прятались, когда он приходил домой пьяный. Забивалась в угол и жена, которая уже привыкла к его бесчеловечным выходкам. Однажды, когда она спала, Иван вошел в комнату с бутылкой кислоты и остановился около постели. Жена неожиданно открыла глаза, увидела его стоящим у кровати с бутылкой.

— Ты что надумал?

— Не бойся, хотел я тебе кислоту на лицо вы-

лили в медвытрезвитель. Потом его осудили на 15 суток. Вот тут-то и распутался весь клубок сложного противоречивого двуличного характера Момота. На партийном собрании он вел себя цинично, никому не давал слова сказать, обрывал криками: «Все это ложь», «У вас не партийная организация, а проходной двор». И это говорилось в адрес боевой парторганизации, парторганизации принципиальной, которая два года не вводила в состав партийного бюро начальника цеха, перегибавшего палку в отношении к подчиненным, и ввела его лишь тогда, когда он понял свою ошибку.

Иван клеветал и на своих товарищей, и на жену. Только никто не услышал от него слов раскаяния. Секретарь партбюро, у которого сильно болело горло и который не думал выступать на собрании, не выдержал, поднялся, возмущенный:

— Что ты плетешь на коллектив, когда по уши в грязи.

Бесполезно было вразумлять Момота. Его исключили из партии. Положенный на лопатки, он все же продолжал сопротивляться.

— Я буду апеллировать в вышестоящие органы. Я молод, мне 31 год. Я мог ошибаться, заблуждаться.

***

...В кульминационные моменты двуличники всегда пускаются в крайности, не брезгуя ничем, чтобы выгородить себя, выйти из игры чистым. В такие минуты они становятся маленькими, серенькими, без маски.

Смотришь на таких бессмысленно сопротивляющихся, тонущих и хватающихся за соломинку, и на душе появляется жалость.

Но бойтесь таких людей. Они жалки только тогда, когда разоблачены.

С. РУХМАЛЕВ.

• НА МОРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

На чистой воде

но пил. Когда попал в медвытрезвитель, перед товарищами выгораживал себя как только мог. Изливал семейные урядицы, говорил: пьет, потому что вот уже пять лет нет у него детей. Посочувствовали ему тогда и дали строгий выговор без занесения.

«Не может человек без ошибок прожить весь век», — гласит народная мудрость. И нередко оступаются люди на нелегком жизненном пути. Многие, оступившись, осознают свой промах и стремятся исправиться. Большинству это удается. Товарищи Момота по работе, наверное, тоже так думали, давая порицания Ивану. Мастер Зубов голосовал за строгий без занесения, но еще крепче вселялось в его душу неверие в Момота. «Нет, разглаживая свои седые волосы, ду-

корреспондентов, организованные при городской газете.

— Вот как люди меняются, — не переставал удивляться начальник газового цеха Владимир Николаевич Ермолаев.

Момот часто подходил к нему, советовался, о чем и как лучше написать заметку в газету. Ермолаев охотно делился своими мыслями, подсказывал. И когда в печати появлялись заметки рабочего, был несказанно рад этому.

Еще больше он обрадовался, узнав, что у Ивана родился ребенок. «Все идет к лучшему, человек спасен от всякой напасти».

Но как-то вечером Владимир Николаевич возвращался домой. И вдруг из арки «выкатилась» навстречу ему подвыпившая толпа, в которой он приметил Момота.

налисты, с кем он со- трудничал, замечали, что ворует он откуда-то чужие мысли. А однажды явно уличили его в плагиате. Момот полностью переписал понравившуюся ему в одной из центральных газет статью, изменил только фамилии героев, то есть «приблизил» материал к местному.

Как тут не вспомнить слова Валентина Овечкина: «Самое страшное в человеке — двурушничество. С того дня, как его заставили первый раз, за тайн в душе одно, скрывать совсем другое, с этого дня начинается падение человека. С двурушничества начинается все: подлость, склонность к вероотступству, предательству. Это гибель человеческой души».

Момот, нечестный, изворачивающийся, переписывал в газету чужие

лит, да жалко стало, уж шибко ты сладко спала, — спокойно ответил он.

В прошлом году Момот, получив отпускные, купил себе костюм, без денег оставил больную жену с ребенком и уехал в гости к своим родителям.

Все было шито-крыто. Жена молча переносила обиды, в цех на мужа не жаловалась, Иван продолжал на производстве слыть хорошим. Разве что начальник смены, делая как-то обход рабочих мест (цех разбросан по участкам), застал его на работе спящим и сделал по этому поводу замечание.

Но сколько ниточка ни веяйся, все равно конец будет. Во время очередного дебоша Ивана, пьяного, обливающего всех словесной бранью, забрали дружинники и отпра-

В коллективе второго мартеновского цеха в числе передовых тружеников называют сталевара Анатолия ГЛАЗКОВА. Специалист своего дела, изучивший тонкости сталеварения, он успешно применяет знания в повседневной работе, и на каком бы агрегате ни трудился, всегда добивается высоких производственных показателей.

Фото Н. Нестеренко.

ЕЩЕ РАЗ О ВАГОНАХ

ОСТРЫЙ СИГНАЛ

Трудно работать железнодорожникам в зимнее время. Очень сложной была ситуация на внутрикомбинатском транспорте и в январе, и в феврале этого года, в результате чего вагоны к отдельным цехам комбината несвоевременно подавались и с опозданием из них выводились.

Сейчас железнодорожники прилагают все силы для устранения подобных недостатков. Но чтобы цехи комбината бесперебойно обеспечивать вагонами, усилил одних железнодорожников — недостаточно. Руководителям всех цехов комбината необходимо для этого

вплотную заняться вопросами сокращения простоев вагонов. К сожалению, руководители отдельных цехов слабо занимаются такими вопросами.

Например, за январь сего года перепростой вагонов местного парка в цехе металлоконструкций составили 25 часов на один вагон, в кузнечно-прессовом цехе — 20 вагоно-часов, в ремонтно-строительном — 49,7 вагоно-часа, в УКХ — 28,7, в складском хозяйстве — 46,5. Причем, если в январе в цехе механики № 1 перепростой вагонов составлял 6,4 часа на один вагон, то в

феврале — 46,5. В цехе механизации № 2 тоже обозначился рост простоев: в январе — 37,2, а в феврале уже 82,2 вагоно-часа.

«Лидером» по перепростой вагонов сейчас является ремонтный участок УКСа: два вагона простояли здесь в общей сложности 224 вагоно-часа, т. е. по 112 (!) каждый.

Очень плохо обстоит дело и с вагонами парка МПС. Например, за 1971 год перепростой вагонов парка МПС составляет: по мартеновскому цеху № 1 — 67,2 часа на один вагон, мартеновскому цеху № 2 — 19,4, мартено-

вому цеху № 3 — 19,2, РПП — 24,4, ЦРМО № 2 — 28,5, ЦЗЛ — 52,5, по цеху механизации УГМ — 71 час.

Этот перечень можно продолжать, но стоит ли? Руководители всех цехов комбината хорошо знают положение дел с вагонами. Хотелось бы услышать их конкретные ответы по поводу того, что именно сделано в цехе — хотя бы для уменьшения перепростоев вагонов (но не ссылки на объективные причины, которые обычно приходится слышать).

М. ГАТТАРОВ,
ст. электромеханик
службы СЦБ.